

Валерий ЕСИПОВ,
заведующий музеем
«Вологодская ссылка»,
кандидат культурологии

Документ называется «Опись вещам, оставленным в доме Гавриловой политическим ссыльным крестьянином Тифлисской губернии Иосифом Виссарионовичем Джугашвили». Этой описи сопутствует заявление вологодской мещанки М. Гавриловой, проживавшей в доме по Леонтьевскому ручью (ныне Кривой переулок в Заречье, а до того Сталин снимал квартиру в доме на Золотушной набережной). Вот что сообщила Гаврилова приставу 3-го полицейского участка:

«Джугашвили занимал в моей квартире комнату с 12 февраля с.г. по 28 февраля. С 28 февраля отлучился на неделю неизвестно куда, оставив в занимаемой комнате свои вещи».

Биографами Сталина давно установлено, что в ночь с 28 на 29 февраля он бежал из вологодской ссылки - уехал поездом в Петербург. Но почему же оставил все вещи, коих в описи целых 46 наименований? От «полосатой соломенной постели», «поношенного шарфа с белыми и чёрными вкось полосками» до щётки, мочалки, вилки, множества книг и журналов. Всё свидетельствует о спешности побега - «Гарун (то бишь Коба) бежал быстрее лани». Но отчего же так торопился и не дорожил своими вещами? И не только своими - большинство книг и журналов было явно библиотечными.

Ответ прост. Незадолго перед этим (по уточнённым архивным данным из сводок негласного надзора, 18 февраля) Джугашвили встречался с приехавшим нелегально из-за границы в Вологду Г.К. Орджоникидзе. Его кавказский друг привёз радостную весть: на Пражской конференции РСДРП, проходившей в январе 1912 года, Коба (тогда ещё не Сталин) был заочно избран в состав ЦК и его Русское бюро. Это означало крутой взлёт в его политической карьере: прежде он принадлежал лишь к «среднему звену» большевистской партии, хотя участвовал в нескольких заграничных съездах и конференциях.

Головокружительная новость, привезённая Орджоникидзе, была отмечена истинно по-грузински: агенты зафиксировали встречу «Кавказца» (под этой кличкой проходил Джугашвили в отчётах) с «шатеном в чёрном пальто и чёрном котелке» в ресторане «Эльбрус». Такой ресторан «кавказских вин» существовал в Вологде в начале XX века и находился на тогдашней Московской улице (Советский проспект, дом был возле нынешнего ДМТ, не сохранился). Там они были около часа, затем зашли в элитную «Санкт-Петербургскую» парикмахерскую, где, по обычаям тех времён, тоже «подавали». Здесь они задержались ещё дольше («наблюдая, выхода не видел до 8-40 вечера», докладывал агент).

О чём они говорили - разумеется, по-грузински, для конспирации - догадаться нетрудно: Кобе нечего торчать в захолустной Вологде, надо срочно переезжать в столицу и приниматься за настоящие большие дела. Нет сомнения, что новоиспечённому члену ЦК Орджоникидзе передат и деньги, причём, немалые - и для побега, и для устройства в Петербурге, и для приобретения новой одежды. (В парикмахерской, вероятно, обсуждались варианты изменения облика Кобы - его чёрная щетина слишком бросалась в глаза).

Разбирая дела бывшего музея И.В. Сталина в Вологде (музей просуществовал почти двадцать лет, начиная с 1937 года), я наткнулся на необычайно любопытный документ 1912 года. Он лежал на самом дне одной из больших папок и, по-видимому, никогда не афишировался, потому что не слишком лестен для биографии нашего героя.

КТО ПОРВАЛ РУБАХУ СТАЛИНА

и другие загадки вологодской ссылки «ВОЖДЯ народов»

Таким образом, дорожить своим незатейливым скарбом ссыльного рвавшегося на свободу Джугашвили не было смысла. Кроме того, ясно, что оставленные на квартире вещи позволяли замаскировать побег.

Но надо вернуться к описи. Этот, казалось бы, заурядный документ может сказать многое не только о бытовой жизни ссыльного Джугашвили, но и о его личности. Всякая брошенная человеком вещь, с точки зрения криминалистики, - улика. А с точки зрения психологии и близкой ей науки семиотики, - знак или символ, раскрывающий черты характера человека. Распознавание всего этого требует определённых аналитических способностей, знаний и доли воображения. Высшим мастерством в этих сферах обладал, как известно, Шерлок Холмс, называвший свой метод «дедуктивным». Попробуем и мы воспользоваться подобным методом. И остановимся вначале не на книгах, оставленных Сталиным (они скажут больше всего), а на отдельных вещах.

По набору предметов гигиены и постельных принадлежностей - тут и туалетное зеркало, и полотенце, и простыня, и наволочка - можно судить, что Сталин был достаточно чистоплотным человеком. Это понятно: ему в это время было уже 33 года, и он успел побывать в Европе (на съездах РСДРП в Стокгольме и Лондоне, а также заезжал на неделю в Париж к своему другу Л. Тодрия), где приобрёл вкус к цивилизованной жизни, что старался сохранить и в условиях ссылки.

«Жестянка с чаем» и «металлическая бензинка (зажигалка) полуманная» - всё это может говорить о сугубо мирных занятиях ссыльного Джугашвили: пил чай, курил. (Трубку свою и табак он, заядлый курильщик, оставил при побеге, естественно, не мог).

Шило, фигурирующее в описи под пунктом 43, казалось бы, дополняет известное о Джугашвили: он, сын сапожника из села Диди Лило (потому и «крестьянин»), умел подшивать свои сапоги. Но всякий сыщик обратил бы внимание и на то,

что шило - опасное колющее орудие, которым можно и убить, и обороняться. Возьмём это на заметку, переходя к криминальным чертам личности Сталина.

О том, что таковые черты, в сочетании с хитростью и обаянием, были ему присущи с молодости, существует огромная литература. Известно, что сама кличка Коба взята им по имени благородного разбойника, «народного мстителя» из романа грузинского писателя Казбеги. Менее известно, но более красноречиво, что одним из революционных идеалов Сталина был С. Нечаев, практиковавший принцип «цель оправдывает средства» и «мораль бандитизма», как выражался один из современников Нечаева. (Подробно черты сходства Сталина с Нечаевым описаны мною в ряде научных работ).

Иосиф с детства был драчлив и при этом часто избиваем (особенно после того, как стал сухоруким - из-за травмы, когда он попал под фазтон, его левая рука не сгибалась в локте). Его избивали однажды и товарищи по революционной молодости в Батуме - за деспотические замашки. Хорошо известно, что «народный мститель» Коба одобрял революционные экспроприации, а в самой знаменитой из них - ограблении Тифлисского банка - непосредственно участвовал (главную роль здесь играл известный Камо - Тер-Петросян).

О том, как проявились все эти черты Сталина, когда он пришёл к власти и стал диктатором в огромной стране, у историков собралось целое море фактов и наблюдений - от глобально-политических до частных. Приведём лишь одно: Сталин в 1937 году лично избивал, хлестал своей «рабочей» правой рукой нашего земляка, героя гражданской войны, командующего Белорусским военным округом И. Белова, через несколько дней расстрелянного как «враг народа» (имя командарма Белова ныне носит одна из улиц Череповца).

Нельзя в этой связи не привести и воспоминание Н. Хрущёва об услышанном во время известных пиров (послевоенных, эйфорических) в Кремле:

«Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Его сослали в Вологодскую губернию. Туда вообще много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие

хорошие ребята были в Вологодской губернии из уголовных! Я сошёлся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока всё не пропьём. Сегодня я плачу, завтра - другой, и так поочередно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот «политики», среди них было много сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными...»

Факт не удивителен на фоне всего известного из биографии Сталина. Скорее всего, эта история имеет адресом не Вологду, а Сольвычегодск, где будущий «вождь народов» проходил первый этап северной ссылки. Но и в Вологде, как можно полагать, случалось нечто подобное.

Потому заострим внимание на одной, особо интригующей детали вышеупомянутой описи оставленных Джугашвили вещей:

«Пункт 3. Четыре белых полотняных рубашки, одна из них рваная (подчёркнуто мною - В.Е.)»

На первый взгляд, обычная мелочь - мало ли где зацепился мужчина и порвал нижнюю, полотняную рубашку. Но не зря написали «рваная», а не «подорванная» - видимо, повреждения были серьёзными. Учитывая склонность Кобы к «приключениям», к общению с уголовниками, его неприязнь к местным «политическим», а также и ментальную агрессивность, можно выдвигать и другую версию: в Вологде он с кем-то подрался.

С кем же? С ненавистным ему отставным жандармом Корпусовым, в доме которого жил зимнюю ссылку 1911-1912 годов (на Золотушной набережной, ныне улица М. Ульяновой, 33)? Это исключено: жандарм быстро бы упёк ссыльного в катлажку. Значит, дело происходило где-то вне наёмной квартиры. По наблюдениям агентов, Джугашвили днём часто ходил в публичную библиотеку. А что он делал долгими зимними вечерами? По воспоминаниям С. Крюковой, жившей в доме на Золотушной набережной, обычно он возвращался поздно, часов в 11. («И потом много читал, до 2 часов», - добавляла она в 1934 году, во что верится мало: хозяева того не могли терпеть и потребовали бы отдельного счёта за дорогой керосин).

Где проводил вечера Сталин - можно только гадать. Но известно, что с местной колонией политических ссыльных он практически не общался. Ему не было до них, копошившихся в каких-то мелких кружках и дрязгах, никакого дела - ведь он был уже кандидат в члены ЦК партии большевиков. Поэтому, в ожидании скорого побега, как я полагаю, - с учётом уже известных нам его привычек, вечерами он иногда «расслаблялся» и ходил по некоторым «зачным местам» Вологды. То ли в знакомый ресторан «Эльбрус», то ли в более демократичные питейные заведения. Одним из них был трактир при бане купца Веденева, расположенной рядом, на берегу Золотухи. Очень удобно: посидел с «хорошими ребятами», и домой, на квартиру. Поэтому напрашивается самая простая, а, возможно, и самая правдоподобная версия: рубашку (нижнюю!) ссыльному Джугашвили разорвали в какой-то стычке именно здесь, в Веденевской бане...

- Дедукция, сэр, - как говорил Шерлок Холмс.

Продолжение следует.

Окончание. Начало в № 146
от 11 декабря 2008 г.

Валерий ЕСИПОВ,
заведующий музеем
«Вологодская ссылка»,
кандидат культурологии

Как известно, Тифлисскую духовную семинарию Сталин не закончил - «был выпущен за пропаганду марксизма», как писал он позднее. Отсутствие полноценного систематического образования восполнялось «глотанием» разнообразных книг. Коба в юности писал стихи и неплохо знал грузинскую и русскую классику. Огромное количество литературы он проштудировал, придя к власти, в 1920-1930-е годы. Историк Б. Илизаров, специально изучавший библиотеку Сталина, отмечает, что читал он «чрезвычайно много и очень много комментировал прочитанное». На первом месте были произведения Ленина, но Сталин читал и «Майн кампф» Гитлера, специально переведённый для узкого круга членов ЦК ВКП(б), и собирал всю литературу об Иване Грозном, Петре I и других самодержцах-предшественниках. По пометкам в книгах Б. Илизаров пришёл к выводу, что Сталину были присущи «холодный прагматизм» и отсутствие каких-либо моральных импульсов: «Незачем и не на кого оглядываться: ни на Бога, ни на человечество. Абсолютно свободен! От добра и зла, от чувства вины за то и за другое»...

То же наблюдалось и в личном поведении. Не случайно Ленин (забывший, что он называл когда-то Сталина «чудесным грузином») перед смертью, по воспоминаниям Крупской, говорил: «Сталин лишён самой элементарной честности, простой человеческой честности».

Обо всём этом невольно задумываешься, вчитываясь в список литературы, брошенной Джугашвили при побеге из Вологды. Её много - 21 наименование. И прежде всего бросается в глаза, что подавляющее большинство книг и журналов, судя по всему, было библиотечными: тут и популярные журналы «Запросы жизни» и «Наша зоря» (по три свежих экземпляра), и произведения Вольтера и О. Уайльда во «Всеобщей библиотеке», и целый ряд научных книг и учебников. Они не могли принадлежать самому Джугашвили по простой причине: направляемому в ссылку запрещалось иметь с собой литературу. Но публичной читальней, прибыв на место, он пользоваться мог, в том числе брать книги на дом за небольшую плату (в Вологодской общественной библиотеке это стоило 10 копеек в месяц).

Располагалась библиотека на Б.Дворянской улице, в самом центре, и, когда Джугашвили жил на Золотушной набережной, ходить сюда ему было совсем близко. Но когда он переехал перед побегом в Заречье, появились определённые проблемы. Может, просто лень было ему идти по февральскому морозу в библиотеку, может, играли роль некие соображения конспирации, но факт остаётся фактом: Джугашвили не вернул взятые в библиотеке книги, как это делают все добропорядочные читатели.

«Скажи, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», - эта поговорка верна во все эпохи (даже и в нынешнюю, когда для многих Интернет заменяет библиотеку). Все вологодские ссыльные начала XX века были страстными книголюбями и усиленно занимались самообразованием. Сталин здесь не исключение. По филёрским наблюдениям подсчитано, что за 4 месяца своего пребывания в Вологде (летом 1911 и зимой 1912 гг., с разрывом на первый побег) он 17 раз побывал в местной общественной библиотеке. Когда говоришь об этом студентам-экскурсантам, они сильно удивляются: «Мы по столько раз не ходим...»

КТО ПОРВАЛ РУБАХУ СТАЛИНА

и другие загадки вологодской ссылки «ВОЖДЯ народов»

Маленькая деталь, но она тоже оттеняет черты его характера: он был совершенно свободен от интеллигентской щепетильности. (Известно, что в туруханской ссылке он нахально присвоил общую библиотеку, собранную ссыльными, и позволял себе другие неблагоприятные поступки).

Единственная в списке книга, которая могла принадлежать лично Джугашвили (или была взята у кого-то из вологодских ссыльных) - «Памятная книжка марксиста». Такая книга - увесистый том в 283 страницы, составленный И. Чернышёвым, - была выпущена в 1906 году в Петербурге вполне легально, поскольку излагала экономическую теорию автора «Капитала». То, что Сталин бросил и эту, казалось бы, «священную» книгу для него как марксиста книгу, само себе - нонсенс. Но ради успешного побега можно было пожертвовать и самым «святым».

Так же без сожаления он расстался с книгами П. Юшкевича «Материализм и критический реализм» (СПб, 1908), Д. Милля «От юст Конт и позитивизм» (СПб, 1906), К. Каутского «Этика и материалистическое понимание истории» (СПб, 1906), А. Менгера «Новое учение о нравственности» (СПб, 1906) - на проблемы этики и нравственности в политике у него уже давно был свой устоявшийся взгляд.

Конечно, было бы любопытно узнать об отношении Джугашвили к идеям этих и

других книг по каким-нибудь пометкам на страницах. В слабой надежде найти следы карандаша или «отметку резкую ногтей» бывшего вологодского ссыльного я обратился в областную научную библиотеку. Но ни одного названия, указанного в описи, в фондах библиотеки, увы, нет. Это неудивительно: нынешняя «Бабушка», как ласково называют её студенты, формировалась слишком давно и из разных источников. Единственная из сохранившихся книг, которую, возможно, читал наш герой - «Наука и гипотеза» французского физика А. Пуанкаре (СПб, 1906). Но нет уверенности, что Коба её одолел - всё же 238 страниц, и все о физике, специфическим языком.

А он любил книжки популярные - например, «Небо и звёзды» (СПб, 1899, изд. Ф. Павленков). Это название явно указывает на интерес ссыльного к тайнам небесных светил (как и учебник «Астрономия», фигурирующий в описи). Можно догадываться, что Коба нередко обращал свой взор на ночное северное небо, пытаясь постичь тайны мироздания. Не был он чужд и поэтических настроений - об этом говорит и оставленная книга «Русские поэты» (к сожалению, без года и места издания).

Подводя итог, можно сделать вывод, что круг чтения Сталина в ссылке был достаточно широким и разнообразным. Ясно, что он старался, насколько возможно, «быть с

веком наравне» и больше интересовался наукой. Казалось бы, можно воздать хвалу его тяге к знаниям и оценить его общий интеллектуальный уровень как «выше среднего». Но, увы, одно обстоятельство заставляет говорить о серьёзном и важном пробеле в его образовании.

В списке фигурируют, странным образом, два простейших учебника - «Арифметика» и «Сборник арифметических задач» (без указания, для какого класса). Очевидно, что 33-летний Коба в своё время не одолел арифметики и пытался устранить этот недостаток в ссылке. Что было тому причиной - плохое преподавание в семинарии или недостаток математических способностей, судить трудно. Но проблемы со счётом, особенно с большими числами, у него оставались на протяжении всей последующей политической жизни. По крайней мере, это относится к людям, к «человеческому материалу» огромной страны, которым распорядился «вождь народов».

Какого бы факта мы ни коснулись - то ли числа расстрелянных по его указаниям (только в 1937 году - около 700 тысяч человек), то ли миллионов крестьян, погибших от голода, то ли количества попавших в окружение и в плен во время Великой

Отечественной войны (только в 1941 году - около 3 миллионов), то ли общего числа жертв войны (20 миллионов, как заявил Сталин, а на самом деле, как минимум, 27 миллионов) - везде идёт речь не только о неумении, но и о нежелании считать. Наверное, Сталин лучше знал цифры выплавки чугуна и стали, выпуска танков и самолётов. Но он, автор книги «Экономические проблемы социализма», слабо владел элементарным экономическим расчётом - как известно, контрольные цифры сталинских пятилеток постоянно завышались, а их выполнение подтачивалось. Вообще, с серьёзной наукой у Сталина - несмотря на все читательские потуги в ссылке и позже - остались дилетантские отношения. Именно при нём кибернетика была объявлена «буржуазной наукой» и запрещена. От человека, лишь в позднем возрасте начавшего осваивать арифметику, иного ожидать было трудно.

Так что понятно, почему описи вещей, оставленных Джугашвили при побеге из вологодской ссылки, в своё время не получила хода: она разрушала весь образ «гениального вождя». За оглашение фактов о том, что у него были неладки с арифметикой и он хранил рваную рубашку, любого музейщика отправили бы на Колыму.

Возвращаясь к этой злополучной рубашке, заметим ещё одно: Джугашвили в Вологде был явно неухожен, обделён женским вниманием. Поэтому бытующая версия о «романе» «Кавказца» с одной из вологодских дам - чистая фантазия. «Роман», как установлено историками, был у него годом ранее в Сольвычегодске, с молодой вдовой М. Кузаковой, на квартире которой он жил. К слову сказать, Сталин в это время тоже был вдов: его первая жена умерла. Появившийся внебрачный сын Константин Кузаков при правлении своего отца не был обделён вниманием: он работал в ЦК ВКП(б), оставался на ответственных постах при Хрущёве, Брежнев и дожил до 1996 года.

Дама, которой приписывается «роман» с Джугашвили (гимназистка П. Ануфриева, замужем Фомина), тоже прожила долго, но гораздо более трудную жизнь. Сохранился документ 1948 года - докладная секретарю Вологодского обкома ВКП(б) Дербинину от сотрудницы партархива Лысановой. В нём сообщается о посещении квартиры Фоминой. На вопрос, как живёт, она ответила: «Очень плохо. Нас пять человек семья, а живём в одной комнате вместе с двумя хозяевами». На вопрос, почему нет квартиры мужа, Фомина, она ответила: «Жили в квартире нефтесклада после ареста мужа, которого осудили на 10 лет по ст. 58 п. 10. С квартиры выселили и временно приютили здесь».

Дальнейшая судьба несчастной женщины и её мужа неизвестна.

А дух сталинской эпохи этот документ передаёт лучше всего.

18 декабря, в день 130-летия со дня рождения И.В. Сталина, в музее «Вологодская ссылка» состоится очередное заседание исторического дискуссионного клуба на тему: «Сталинизм: вчера, сегодня, завтра?»